

**Актуальность и значение идей А. Н. Веселовского
в изучении эпоса монгольских народов
(к 180-летию со дня рождения академика)**

Investigating the Mongolic Epics: Relevance and Importance
of A. N. Veselovsky's Ideas (180th Anniversary of Birth
of the Academician)

*Т. В. Говенько (T. Govenko)*¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН (121069, ул. Поварская 25а, г. Москва, Российская Федерация). E-mail: govenko@mail.ru

Ph.D in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Gorky Institute of World Literature of the RAS (25a, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation). E-mail: govenko@mail.ru

Аннотация. Попытки представить историческое развитие народной поэзии предпринимали и до А. Н. Веселовского, но только ему удалось разработать теорию истории эпоса и систематизировать общие знания по этой проблеме. Идеи Веселовского до сих пор сохраняют свою актуальность, а его гипотезы находят подтверждения в том числе и в изучении монгольского героического эпоса.

Ключевые слова: А. Н. Веселовский, эпосоведение, историческая поэтика, эпос монгольских народов.

Abstract. Attempts to present the historical development of folk poetry had been undertaken long before A. N. Veselovsky, but only he succeeded in developing a theory of the history of the epic, and systematizing general knowledge on the issue. A. Veselovsky's ideas are still relevant, and his hypotheses are confirmed, including in studies of the Mongolic heroic epics.

Keywords: A. N. Veselovsky, epic studies, historical poetics, Mongolic heroic epics.

Научное наследие академика А. Н. Веселовского до сих пор привлекает к себе пристальное внимание современных исследователей как в России, так и за ее пределами [Багно 2011; Наследие 2016; Byford 2005; Mazzanti 2008; 2013; Espagne 2009; Die russische Schule 2013].

За последние годы труды А. Н. Веселовского были переведены на итальянский, английский, китайский языки. «Вторую жизнь» обрели многие из его работ [Веселовский 2006; 2009; 2010; 2013; 2016а; 2016б; 2016в; 2016г]. Подобная рецепция, с одной стороны, доказывает важность открытий ученого для мировой науки, а с другой — позволяет обнаружить в его трудах источники для новых идей.

А. Н. Веселовский родился 4 (16) февраля 1838 г. в г. Москве. После домашнего обучения он поступил во Вторую Московскую гимназию, где проявил блестящие способности: за годы обучения по всем предметам во всех четвертях и итоговых имел «отлично», а по французскому языку и математике — «пять с плюсом». В юбилейный 1854–1855 учебный год А. Н. Веселовский поступил в Императорский Московский университет, где его педагогами были Ф. И. Буслаев, О. М. Бодянский, Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, П. Н. Леонтьев, П. Я. Петров, С. П. Шевырёв и др. Все они, так или иначе, оказали на А. Н. Веселовского свое влияние.

Как известно, филологическая наука в этот период «брела ощупью» и в своих приемах и методах опиралась в основном на философско-эстетические концепции конца XVIII – начала XIX столетия. Одним из первых в России осмыслить историческое развитие поэтики попытался Степан Петрович Шевырёв (1806–1864). На основе своих университетских курсов по истории всеобщей литературы, истории древнерусской литературы и теории поэзии он составил несколько книг: «История поэзии» (в 2-х томах, 1835), «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (1836), «История русской словесности, преимущественно древней» (1846), «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии» (1853). Руководствуясь гриммовским сравнительно-историческим исследовательским методом, С. П. Шевырёв разработал концепцию так называемой «исторической пиитики» в виде «скелета немецкой эстетики в истории» [Шевырёв 2006: 330]. Исключительное значение в изучении литературы и искусства он придавал историческим контекстам, т. е. той эпохе, в которой создавалось то или иное произведение, что, безусловно, на тот момент носило прогрессивный характер. Творчество Гомера, Данте, Шекспира и других авторов он разбирал с точки зрения вечных тем и

особенностей их художественных методов. Последние С. П. Шевырѐв объяснял с позиции историко-культурных, природных, бытовых, религиозных, этнографических, психологических и прочих проявлений эпохи, в которой жили авторы, а «всеобъемлющие» схождения связывал с родовыми и жанровыми закономерностями развития литературы и искусства. Обращение к истокам, эритажности, национально-народному духу, по С. П. Шевырѐву, были необходимыми условиями для «исторического изучения поэзии, которому можем мы предпослать предчувствие теории» [Шевырѐв 1836: 368]. Разработать саму теорию С. П. Шевырѐву помешали многие факторы, прежде всего, мировоззренческого характера. Тем не менее ему удалось обратить интерес академического литературоведения к фольклору, древнерусской литературе, привить доверие к сравнительно-историческому методу, сделать первые попытки представить историю поэзии «как движущуюся и развивающуюся теорию» [Манн 1998: 230].

Ученик С. П. Шевырѐва Ф. И. Буслаев (1818–1897) также поставил перед собой задачу проследить генезис поэзии, определить особенности переходных периодов, описать внутренние процессы, большей частью связанные с историей языка, обнаружить источники изобразительности, факторы хранения и передачи информации и т. д. В своих программных исследованиях: «Эпическая поэзия» (1851), «О народной поэзии в древнерусской литературе» (1859), «Русские духовные стихи» (1861), «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (1872–1873) и многих других ему удалось далеко продвинуться в изучении языка, мифологии, древнерусской литературы и искусства. Однако, как и С. П. Шевырѐв, Ф. И. Буслаев придерживался идеалистических взглядов на историю: причинность развития языка, поэзии и нации он возводил к духовно-нравственным и умственным потребностям общества. Более того, надо признать, что при всей основательности и достоверности исследований Ф. И. Буслаев не был систематизатором. Как толкователь он стремился «в каждом конкретном случае осмыслить явление искусства или народной словесности во всем многообразии их внутренних смыслов и культурно-исторических контекстов» [Топорков 2006: 638].

В несколько ином направлении развивался историк П. Н. Кудрявцев (1816–1858), друг В. Г. Белинского. «Его лекции были для меня откровением», — признавался А. Н. Веселовский [Веселовский 2010: 30]. П. Н. Кудрявцев читал курсы древней истории, средневековой западноевропейской истории, истории Древнего Востока. Особый интерес у него вызывала Италия, на тот момент активно выступавшая за независимость и единство территорий. Еще до французского ученого Ипполита Тэна (H. A. Taine, 1828–1893), считающегося основателем культурно-исторической школы, П. Н. Кудрявцев стремился заложить основы системного и научного понимания литературы, истории и искусства; обнаружить закономерные связи культурного развития с общественным мнением, средой, историей и психологией народа. Кстати, ряд его статей носили антирелигиозный характер, из-за чего не допускались цензурой до печати.

Много лет спустя А. Н. Веселовский вспоминал: «Буслаев дал мне интерес к Гриммовскому направлению в приложении к изучению русско-славянского материала; но некоторые стороны дела, постановка мифологических гипотез и „романтизм народности“ никогда меня не удовлетворяли. <...> С другой стороны, у меня сложился интерес к культурно-историческим вопросам, к *Kulturgeschichte* <история культуры>; было ли тут влияние Кудрявцева, моих чтений — не знаю и не помню» [Веселовский 2010: 31]. Осмысля научные направления и взгляды в современной ему науке А. Н. Веселовский, кажется, не упустил из виду ни одной научно-теоретической гипотезы середины XIX в. Он прекрасно владел английским, французским, немецким, итальянским и испанским языками, что дало ему возможность быть в курсе всех западноевропейских книжных новинок: будь они в области истории литературы или политэкономии — ко всему он проявлял одинаковый интерес. «Времена риторик и пиитик прошли невозвратно» [Веселовский 2010: 41], — считал он и «несомненно стоял на стороне новой, в своей основе материалистической эстетики Чернышевского» [Жирмунский 1939: VI].

После окончания университета А. Н. Веселовский год оставался в Москве, а с осени 1859 г. до весны 1868 г. пребывал в Европе. В период с 1862 по 1864 гг. на средства Министерства народного

просвещения он учился в Берлине и в Праге, потом сразу отправился в Италию. Сам А. Н. Веселовский этот период оценивал так: «извлек мало», «был полон вождлений, но беден программой», «занимался ощупью», «толку от этого получилось немного», себя называл «человеком, ищущим пути», но в тоже время хорошо сознающим, что и науки о всеобщей литературной истории до сих пор нет. Так, например, в 1862 г. он писал: «Мы говорим о политической экономии, как о науке новой, но уже определившейся, имеющей свое будущее и яснопроложенные перед собой пути; о науке народной психологии тоже говорим как о много обещающей. <...> О всеобщей литературе не говорим ничего <...>, и науки всеобщей литературной истории пока не существует, ее остается еще создать. В самом деле, что такое история всеобщей литературы, да и литературы вообще? Литература — письменность; но этим исключается народный эпос, песня и все громадное богатство неписанных памятников, которые не тонут и не горят, потому что не писаны, и только органически стареют и вымирают. Литература — словесность. <...> Сам проф. Шевырѐв, установив понятие об истории литературы как изящной словесности, был вынужден расширить свое определение, когда дошло дело до фактов. <...> Пока историческая и бытовая сторона будет только приложением, *Beiwerk*, литературного разыскания, до тех пор история литературы останется тем же, чем была до сих пор, библиографическим сборником, эстетическим экскурсом, трактатом о странствующих сказаниях или политической проповедью. До тех пор история литературы существовать не будет» [Веселовский 2010: 41–42].

В 1869 г. А. Н. Веселовский защитил диссертацию в Московском университете и сразу принял приглашение возглавить кафедру всеобщей литературы Санкт-Петербургского университета: в октябре 1870 г. он читал здесь свою первую лекцию «О методе и задачах истории литературы, как науки». На протяжении всей своей жизни А. Н. Веселовский смело расширял границы филологических исследований в область фольклора, этнографии, археологии, истории, а также психологии, социологии, политэкономии и точно следовал разработанной им стратегии. Так ему удалось объективно доказать, что «рядом с искусственной лирикой раскрылось богатство народной песни, с которой плохо ладила

теория красоты, как исключительной задачи искусства <...>, что драма существовала задолго до эпоса и притом с совершенно эпическим содержанием...» [Веселовский 1940: 48], и, чтобы этим родам проявиться, им не следовало ожидать прогресса в умственном развитии человечества. Эти формы были естественны и функциональны в той социальной реальности, где они проявляли себя и находились вне принципов детерминизма тех ученых, которые все это время руководствовались идеями немецкой классической философии.

В лекциях, сохранившихся в рукописях до наших дней, А. Н. Веселовский писал: «Поэзия есть искусство, изображающее в слове идеалы художника» [Веселовский–1]. И неважно, что является предметом преломления: «область духа, внутренний мир чувств, личный взгляд на событие, подвиг, происшествие» [Веселовский–1], — главное — как это высказано. «Если поэзия изображает события, факты — она носит название эпической, то есть повествующей, рассказывающей (эпос = слово, речь, рассказ). Если перенесется она в область чувства, возбужденного тем или другим явлением, случаем и т. п., оно принимает название лирической поэзии, преимущественно музыкальной, песенной, поющей, потому что вздох и звук прежде всего проводники чувства, а музыка на нем зиждется (лира — известный музыкальный инструмент. Оттуда самое название: лирическая поэзия). <...> Личное чувство человека, нравственная свобода приходят в столкновение с явлениями действительности, борются с ними, и эта борьба высказывается в поступках, действиях. Вот предмет драматического рода поэзии, живописующего борьбу, действие (драма = делаю, действую). Поэзия эпическая таким образом выступает с характером поэзии события, лирическая — это поэзия чувства, как драматическая — борьбы» [Веселовский–1]. И каждый из этих поэтических родов усвоил себе свой особый язык: эпос — прозу, лирика — стих, драма — диалог.

Задавшись целью ответить на вопрос о происхождении и развитии эпоса, А. Н. Веселовский, в отличие от прежних исследователей, которые видели в эпической поэзии продолжение древнейшей мифической традиции, представлял ее как совершенно новую формацию, которая зародилась в период «обособления царской власти и военной дружины, но на почве народного устройства»

[Веселовский–2], т. е. когда еще сохранялась связь между классами в рамках этнического, племенного или национального самосознания и самобытности. Иначе говоря, певцы, с одной стороны, отвечали потребностям народа, а, с другой стороны, удовлетворяли интересы правящей элиты. Импульс к рождению песни, по мнению А. Н. Веселовского, давало «истинное событие» — оно отзывалось во всей вертикали общества и служило объединяющим началом. «Когда цельность народных интересов нарушена и часть нации удалена от участия в политике и правлении — эпос „народный“ невозможен» [Веселовский–2], — подчеркивал А. Н. Веселовский.

Будучи противником теории Лахмана-Мюлленгофа (у последнего он слушал лекции в Берлинском университете) об искусственно созданном редакционном своде эпоса, А. Н. Веселовский предложил свою теорию эволюции героических песен. По его мнению, первоначально они складывались при эмоциональном участии свидетелей и по горячим следам исторического события, т. е. в них гармонично сочетались «страстность впечатления» и «эпический сюжет». Поэтому эти песни правильнее было бы называть лирико-эпическими кантиленами.

Удаленное от исторических событий следующее поколение уже не знало того накала эмоций и сосредотачивалось на описании фактов и сохранении памятных событий. Другими словами, на втором этапе кантилена преобразовывалась в эпико-драматическую песню за счет максимально возможных изменений в ее формальные показатели: сюжет начинал развиваться медленнее, появилась потребность в новых событиях, перипетиях, усложнился язык повествования, возникли повторы и переносы, ввелись новые персонажи.

На третьей стадии перепевы эпических песен окрашивались по требованиям и вкусам своего времени и, как правило, группировались «вокруг какого-нибудь выдающегося события, героя» [Веселовский–2]. Поскольку певец «очевидно знал об одном событии не одну, а несколько песен, он пел их подряд, и в результате получался цикл песен, связанных или одним героем (каков Сид, Илья и т. д.), или одним местом, где произошло данное событие (например, Косово поле)» [Веселовский 1940: 492].

Четвертая стадия — абстрактное восприятие исторических событий и художественно свободное отношение к ним. Это «акт первого выхода личного творчества из массового» [Веселовский–2], возможностей индивидуальных инициатив и исполнительских манер, например, спевания песен и их циклизация.

В последней, пятой стадии, «уже на почве сословно дифференцированной национальности» [Веселовский–2] героические песни, как полагал А. Н. Веселовский, могли получить «двойное гражданство»: аристократическое, или книжно-письменное, и простонародное. В устно-поэтическом контексте эпос доживал свой век в отрывках и обломках. Старые сюжеты перепевались с новым смыслом: редко они становились национальным достоянием и все больше вульгаризировались. В прежние идеальные образы вносились более понятные аудитории мотивы, психологические аспекты, современные рефлексии. Появлялись сюжеты о разбойниках, контрабандистах, народных вождях и т. п. В эпосе книжно-письменном, адресованном высшему кругу общества, развитие шло в сторону «школьно-ученых сюжетов» и нового жанра — романа, в котором «внимание поэта обращено на изображение психических моментов» [Веселовский–2].

Эпическое произведение, подчеркивал А. Н. Веселовский, — это не только особая повествовательная система, но и форма хранения исторической информации. Однако, предостерегал он, «под историей не следует тут разуметь историю летописную, так как история в эпосе не покрывается историей летописной, хотя бы уже потому, что у народа есть свои любимцы» [Веселовский 1940: 470]. Под последними он имел в виду не только прототипы исторических героев, но и их собирательные образы. Несмотря на то, что и рассказчик, и слушатель проецируют себя в прошлое и ощущают наблюдателями конкретных исторических событий, А. Н. Веселовский не сомневался, что «под прикрытием новых имен» [Веселовский 1940: 475] могли скрываться совершенно другие лица и факты. В связи с этим он считал крайне нежелательным конструировать эпос из летописных свидетельств: «Известный, решающий в жизни народа факт мог вызвать его воспроизведение в песни и в ней жить дольше и развиваться до неузнаваемости; но и первый позыв к эпической идеализации факта мог быть дан в предыдущем

развитии, в готовых типах героизма, к которым могли лишь позже пристроиться исторические имена. Ответ на поставленный вопрос ставится обоюдоостро: историческое событие могло вызвать эпическую песнь, эпическая песнь могла заимствовать обстановку истории. Что еще усложняет вопрос об историческом генезисе эпоса — это качество летописных источников» [Веселовский–2]. Именно поэтому не стоит забывать, что такое предание и что такое история. В каких пределах допустимо пользование эпической песней как подспорьем для восстановления исторической правды. Песни и предания действительно являются отражением реальной жизни, но «необходимо отличать бытовую ассоциацию от ассоциации поэтической и не делать заключения от одной к другой» [Веселовский 2016: 105]. Эпический текст воспринимается носителями эпоса как реальность, и внесение «субъективного понимания исторических и легендарных фактов: в сущности отрицание эпоса» [Веселовский–2]. Лишь «в немногих случаях, когда поэт овладевает идеальным содержанием современного ему общества, создается нечто, напоминающее древний эпос цельностью мирозерцания, хотя последнее уже не охватывает всего народа» [Веселовский–2].

Специфику жанровой эволюции эпоса А. Н. Веселовский сближал с нарративными формами рассказа о неких событиях, поэтому каждый отдельный случай призывал изучать индивидуально с постановкой следующих историко-текстологических задач:

- выяснить генеалогию всех вариантов эпической песни;
- установить генетические соотношения ее с другими текстами, близкими по теме и жанру как в устной, так и в письменной традиции;
- детально описать «чисто формальную сторону» с точки зрения функционально-структурального анализа.

Надо сказать, что отсутствие формального анализа в работах современных ему исследователей А. Н. Веселовский расценивал как их слабую сторону. На названные выше аспекты он опирался в своих этюдах, объединенных под общим названием «Южнорусские былины» (1881–1884). В ходе создания теории исторического развития эпоса былины являлись для А. Н. Веселовского не только объектом исследования: по ним он сверял свои априорные построения.

Отмечая, что в науке по истории литературы «исканий больше, чем аксиом», А. Н. Веселовский стремился собрать как можно больше «материала для методики истории литературы, для индуктивной поэтики» [Веселовский 1940: 54]. С точки зрения апперцепции «новые комбинации совершаются внутри положенных границ, из обветрившегося материала <...> это ряд неизменных формул, далеко простирающихся в область истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу», — писал он [Веселовский 1940: 51].

Или, говоря иначе, трансформируясь во времени и пространстве, эпическая песня сохраняла за собой некие формальные признаки, которые позволяли ей не выходить за границы своего рода и оставаться узнаваемой как слушателями, так и исполнителями благодаря фабульно-тематическим и структурно-поэтическим константам. С другой стороны, именно активное участие слушателей имело большое значение для сохранности эпической песни: «Этот материал столь же устойчивый, как и материал слова, и анализ его принесет не менее прочные результаты» [Веселовский 1940: 52–53].

Добавим еще, что эпос для А. Н. Веселовского всегда носил международный характер, поскольку «зарождался от столкновений народностей» [Веселовский 1940: 476], в период военных конфликтов. Вопросу об историческом развитии эпоса — его сюжетных схем, идеалов, позднейших напластований, заимствований, странствований и пр. — он посвятил не одно сравнительно-историческое исследование. «Объясняя сходство мифов, сказок, эпических сюжетов у разных народов, — писал А. Н. Веселовский, — исследователи расходятся обыкновенно по двум противоположным направлениям: сходство либо объясняется из общих основ, к которым предположительно возводятся сходные сказания, либо гипотезой, что одно из них заимствовало свое содержание из другого. В сущности, ни одна из этих теорий в отдельности не приложима, да они и мыслимы лишь совместно, ибо заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии. Теория „заимствования“ вызывает таким образом теорию „основ“ и обратно» [Веселовский 2009: 298]. Ценно, что при сопоставлении раз-

ных версий эпических сюжетов вскрываются не только сходства, но и различия, которые отражают особенности культурно-исторического прошлого того или иного народа, его социально-бытовые, национальные и мировоззренческие особенности. Осуществляя экскурсии в область эпоса, в первую очередь необходимо отработать гипотезы с местными материалами и не спешить делать выводы о заимствованиях, предостерегал А. Н. Веселовский.

Итак, до А. Н. Веселовского понятие эпической поэзии в науке носило абстрактный характер и им впервые подверглось систематизации. Когда к вопросу эволюции эпоса обратился крупнейший ученый-медиевист первой половины XX в. Андреас Хойслер (1865–1940), его заключения оказались предельно близки А. Н. Веселовскому. Так, например, в работе «Lied und Epos in germanischer Sagendichtung» («Песня и эпос в германских эпических сказаниях») (1905) А. Хойслер установил, что песня дружинного певца исполнялась во время пира и на первый план им выносились эффектные вершины действий; с течением времени эта старо-драматическая песня о событиях модернизировалась преимущественно за счет формальных изменений; переход от героической песни к эпической поэме происходил под влиянием античных или христианских образцов в границах неподвижной сюжетной рамки путем стилистического распространения, «разбухания» формы, морфологической эволюции: увеличивалось число действующих лиц, добавлялись сцены и эпизоды, появлялись биографические подробности и ретроспективы, описания душевно-психологического состояния героя и т. д. [Heusler 1905]. Попытки А. Хойслера свети исторические события с эпическими также не принесли положительного результата.

Современные исследователи эпоса монгольских народов тоже подтвердили многие гипотезы А. Н. Веселовского. Так, в своем фундаментальном труде «Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции» (1984) С. Ю. Неклюдов убедительно доказал, что у монгольских народов эпос сформировался в догосударственный период, когда они еще ощущали себя некой «эпической общностью» [Неклюдов 1984: 80] и канонизировался до эпохи империи Чингис-хана, оставаясь далее нечувствительным к влиянию исторических событий.

Сравнительно-типологический, лингвистический, формально-структуральный, структурно-семантический и прочие виды анализа позволили эпосоведам обнаружить в эпической традиции монгольских народов пласт древнейшего фольклорно-мифологического мировоззрения, представляющего собой комплекс верований: анимизм, тотемизм, шаманство, космогонические и календарные мифы, культ предков и родовых святынь, промысловые ритуалы, обряды жертвоприношений, погребальный культ, культ рождения и т. д., — а также пространственно-временную картину трехмирия, где «в верхнем мире живут небожители, божества, в среднем мире — эпические богатыри, люди, в нижнем мире — мифические существа: шулмусы, эрлики, лусы, являющиеся врагами богатырю. Главные события происходят в среднем мире. Однако герой эпоса в той или иной степени связан с верхним и нижним мирами» [Овалов 2004: 74]. В частности, к общим сюжетным темам эпоса монголов, бурят и калмыков восходят: сюжеты о демонических персонажах архаического эпоса (мангусы, шулмусы, эрлики и др.), об эпических богатырях и их подвигах, о сватовстве героев с брачными испытаниями и т. д.; мотивы змееборства, побратимства, чудесного рождения героя, исцеления, борьбы отца с сыном, волшебные превращения и прочие; стилистические фигуры и «общие места» в описании внешнего облика богатыря, его коня и оружия и т. д. Происходит это благодаря «специфической структурированности фольклорных текстов, которая и обеспечивает особые (а до появления письменности — единственно возможные) способы их трансмиссии, позволяет хранить и актуализировать культурную память данного сообщества. При этом сам устный текст осуществляется только здесь и сейчас; его реальность — лишь в процессе произнесения; пока он не звучит, он в известном смысле и не существует. В подавляющем большинстве случаев фольклорные тексты не хранятся в памяти сказителя в заученном виде — даже если он сам так считает, не извлекаются из нее готовыми, а монтируются при своем изложении из „предтекстовых“ („авантекстовых“) элементов разного уровня» [Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010: 253–254]. Например, «один и тот же эпизод в эпосе „Джангар“ может встречаться в самых различных песнях и в пределах одной песни, например, в описании „биографии“ бо-

гатырей. Составным элементом повествования являются „общие места“. <...> Искусное пользование этими „общими местами“ дает возможность опытному певцу-джангарчи то увеличивать, то „сжимать“ объем исполняемой песни. <...> Микроэпизоды-связки соединяют отдельные части песни, придают логику смене эпизодов, сообщают стройность развитию сюжета» [Пюрвеева 2003: 11].

В героических сказаниях как европейских, так и восточных народов, писал А. Н. Веселовский, «сохранились следы его древнего прикрепления к обрядовому акту: именно к акту заговора, заклинания, гадания» [Веселовский 2006: 354]. И действительно, в традиции тюркских и монгольских народов исполнитель эпоса всегда имел особый социальный и сакральный статус. В глазах своих слушателей он мог магически действовать на природу, выступать в качестве гадалея, прорицателя, целителя. Не каждый человек получал право исполнять героический эпос, а только тот, кому был дан знак от верховного жреца. «Поэзия, дар слова, — писал А. Н. Веселовский, — снесь, нечто вкладываемое со стороны механически <...> передача духа, одержимость чужим духом сообщают дар песни, что входит в ряд распространенных представлений об одержимости пророков <...> он может творить тогда только, когда объемлет его восторг, когда он выйдет из себя и рассудок покинет его» [Веселовский 2006: 363–365].

Наблюдения над сказительской традицией бурятского народа в первой половине XX в. убедили Г. Д. Санжеева в том, что пение героических песен носило обрядовый характер: «Выезжая на таежную охоту буряты должны одеваться в свои лучшие одеяния, ибо они выезжали не бить зверей, а гостить у них и просить их, чтобы они сами подбежали к охотникам. По прибытии на место охоты буряты совершали некоторые обряды, имевшие целью убаготорить духов зверей и лесов, от которых зависит тот или иной исход охоты. Здесь вечером, перед сном, певец расстилал в шалаше белый войлок (не запачканный конским потом), на нем ставил зажженные ветки можжевельника, чашку с вином или молоком, втыкал в него стрелу и пр. И всю ночь, до первых проблесков утренней зари, протяжно распевал он свою эпопею: без этой церемонии охота, по убеждению бурят, не могла быть удачной» [Санжеев 1936: IX–X].

Мифологическое представление о получении сказительского дара, регламентированности исполнения героического эпоса из-за его магической силы также сохранилось в традиции калмыцкого народа [Басангова 2017: 23–24].

По мнению А. Н. Веселовского, на более позднем этапе развития, чтобы обеспечить себе сохранность, эпос циклизировался. В монографии «Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов: опыт сравнительно-типологического исследования» Э. Б. Овалов детально изучил признаки эволюционного развития сюжетов, мотивов, поэтики эпоса монгольских народов и пришел к заключению, не противоречащему идее А. Н. Веселовского: «Каждому крупному эпосу монгольских народов присуща своя циклизация. Так, циклизация эпоса „Джангар“ осуществляется вокруг центрального героя и единого эпического центра, которая характерна для всех версий эпоса. Удалось выявить, что кроме основной циклизации, в ряде песен „Джангара“ намечена тенденция генеалогической циклизации. Рассмотрение ряда песен трех основных версий „Джангара“ выявило, что их главными героями являются сыновья Джангар-хана и богатыря Хонгора. Однако второе поколение богатырей эпоса не создает отдельного цикла, ибо они не заменяют по закону циклизации центрального героя Джангара, а входят в число его богатырской дружины. Основной для эпоса „Гэсэр“ является биографическая циклизация, хотя в ней имеет место тенденция объединения различных богатырей вокруг Гэсэра» [Овалов 2004: 128–129].

Размышляя над двойственной природой богатырской сказки, А. Н. Веселовский выделил архаическую — предшествующую классическому героическому эпосу, и позднейшую — завершающую эволюцию эпоса. К аналогичным выводам пришел и С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1975: 82].

Эту же точку зрения разделяет и его ученица Ц. Б. Селеева. Изучив богатырские сказки, типологически сходные с соответствующими сюжетами эпосов «Джангар» и «Гесер», она заключает, «что к жанру „позднейшей богатырской сказки“ относятся произведения, представляющие трансформацию формы эпических сказаний: утратившие прежнюю поэтическую форму, эпический стиль изложения, претерпевшие изменения на содержательном и

сюжетно-мотивном уровнях. Границы жанровости для таких текстов являются условными, поскольку сказки могут возникать как вторичная после эпоса форма с признаками сказочного переосмысления» [Селеева 2017: 130].

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что эпосоведческое наследие А. Н. Веселовского до сих пор остается актуальным, а его теоретические выводы подтверждаются современными исследованиями эпического наследия разных, в том числе монгольских, народов.

Литература

- Багно 2011 — Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы / Багно В. Е., Заборов П. Р., Лавров А. В. СПб.: Наука, 2011. 356 с. [Aleksandr Veselovskiy. *Aktual'nyye aspekty naslediya. Issledovaniya i materialy* [Aleksandr Veselovsky: actual aspects of heritage. Studies and materials]. Bagno V. Ye. et al. St. Petersburg: Nauka, 2011. 356 p. (In Rus.)]
- Басангова 2017 — Басангова Т. Г. Мифы, легенды и предания калмыков // Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука, 2017. С. 7–29. [Basangova T. G. Myths, legends and tales of the Kalmyks. *Mify, legendy i predaniya kalmykov*. Moscow: Nauka, 2017. Pp. 7–29. (In Rus.)]
- Веселовский-1 — Веселовский А. Н. Отрывки из лекций по истории эпоса // РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 329. [Veselovsky A. N. *Otryvki iz lektsiy po istorii eposa* [Excerpts from lectures on the history of the epic]. Manuscript Fund, Institute of Russian Literature of RAS. Fund 45. Ser. 1. Item 329. (In Rus.)]
- Веселовский-2 — Веселовский А. Н. Эпос // РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 149. [Veselovsky A. N. *Epos* [The epic]. Manuscript Fund, Institute of Russian Literature of RAS. Fund 45. Ser. 1. Item 149. (In Rus.)]
- Веселовский 1940 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худ. лит., 1940. 648 с. [Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad: Khud. Lit., 1940. 648 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2006 — Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / сост. И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. 688 с. [Veselovsky A. N. *Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected works: Historical Poetics]. I. O. Shaytanov (comp.). Moscow: ROSSPEN, 2006. 688 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2009 — Веселовский А. Н. Избранное: Традиционная духовная культура / сост. Т. В. Говенько. М.: РОССПЭН, 2009. 624 с. [Veselovsky A. N. *Izbrannoye: Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura* [Se-

- lected works: Traditional Spiritual Culture]. Т. V. Govenko (comp.). Moscow: ROSSPEN, 2009. 624 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2010 — *Веселовский А. Н.* Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. 688 с. [Veselovsky A. N. *Izbrannoye: Na puti k istoricheskoy poetike* [Selected works: On the Way towards Historical Poetics]. I. O. Shaytanov (comp.). Moscow: Avtokniga, 2010. 688 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2013 — *Веселовский А. Н.* Избранное: Эпические и обрядовые традиции / сост. Т. В. Говенько. М.: РОССПЭН, 2013. 639 с. [Veselovsky A. N. *Izbrannoye: Epicheskiye i obryadovyye traditsii* [Selected works: Epic and Ceremonial Traditions]. T. V. Govenko (comp.). Moscow: ROSSPEN, 2013. 639 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2016а — *Веселовский А. Н.* Избранное: Легенды о Св. Граале / сост. М. В. Пашченко. М.; СПб.: Петроглиф, 2016. 512 с. [Veselovsky A. N. *Izbrannoye: Legendy o Sv. Graale* [Selected works: The Legend of the Holy Grail]. M. V. Pashchenko (comp.). Moscow; St. Petersburg: Petroglif, 2016. 512 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2016б — *Веселовский А. Н.* Избранное: Культура итальянского и французского Возрождения / сост. О. В. Смолицкая. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с. [Veselovsky A. N. *Izbrannoye: Kul'tura ital'yanskogo i frantsuzskogo Vozrozhdeniya* [Selected works: Culture of the Italian and French Renaissance]. O. V. Smolitskaya (comp.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 512 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2016в — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / подгот. А. Е. Махов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с. [Veselovsky A. N. V. A. Zhukovskiy. *Poeziya chuvstva i «serdechnogo voobrazheniya»* [V. Zhukovsky: poetry of feeling and ‘heart imagination’]. A. Ye. Makhov (prep.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 512 p. (In Rus.)]
- Веселовский 2016г — *Веселовский А. Н.* Избранное: Критические статьи и заметки. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 496 с. [Veselovsky A. N. *Izbrannoye: Kriticheskiye stat'i i zametki* [Selected works: review articles and notes]. St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 496 p. (In Rus.)]
- Наследие 2016 — Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / Говенько Т. В., Кляус В. Л., Магомедова Д. М., Махов А. Е., Топорков А. Л. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с. [Naslediye Aleksandra Veselovskogo

- v mirovom kontekste. Issledovaniya i materialy* [Alexander Veselovsky's heritage in a world context: studies and materials]. Govenko T. V. et al. Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 320 p. (In Rus.)]
- Манн 1998 — Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с. [Mann Yu. V. *Russkaya filosofskaya estetika* [Russian philosophical aesthetics]. Moscow: MALP, 1998. 381 p. (In Rus.)]
- Мелетинский и др. 2010 — Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010. 291 с. [Meletinsky Ye. M., Neklyudov S. Yu., Novik Ye. S. *Istoricheskaya poetika fol'klora: ot arkhaike k klassike* [Historical poetics of folklore: from archaic to classic]. Moscow: Rus. State Univ. for the Humanities, 2010. 291 p. (In Rus.)]
- Неклюдов 1975 — Неклюдов С. Ю. Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 82–88. [Neklyudov S. Yu. The heroic tale: a thematic framework and plot structure. *Problemy fol'klora*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 82–88. (In Rus.)]
- Неклюдов 1984 — Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 307 с. [Neklyudov S. Yu. *Geroicheskiy epos mongol'skikh narodov: ustnyye i literaturnyye traditsii* [The heroic epic of Mongolic peoples: oral and literary traditions]. Moscow: Nauka, 1984. 307 p. (In Rus.)]
- Путилов 1966 — Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (Из текстологических наблюдений за былиной) // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л.: Наука, 1966. С. 220–259. [Putilov B. N. The art of the bylina-teller (textological observations of the bylina genre). *Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966. Pp. 220–259. (In Rus.)]
- Пюрвеева 2003 — Пюрвеева Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар»: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. Элиста, 2003. 51 с. [Purveyeva N. B. *Poetika geroicheskogo eposa «Dzhangar»* [The heroic epic of Jangar: poetics]. A PhD thesis abstract. Elista, 2003. 51 p. (In Rus.)]
- Санжеев 1936 — Санжеев Г. Д. Эпос северных бурят // Аламжи-Мерген: Бурятский эпос / ввводн. ст. и коммент. Г. Д. Санжеева. М.: Academia, 1936. 267 с. [Sanzheyev G. D. *Epos severnykh buryat. Alamzhi-Mergen: Buryatskiy epos* [The Northern Buryat epic of Alamzhi-Mergen]. G. D. Sanzheev (foreword and comm.). Moscow, 1936. 267 p. (In Rus.)]
- Селеева 2017 — Селеева Ц. Б. Богатырские сказания о Джангаре и Гесере в калмыцкой сказочно-эпической традиции: к проблеме переходности

- фольклорного текста // Монголоведение. 2017. № 11. С. 120–131. [Seleyeva Ts. B. Heroic legends about Jangar and Gesar in the Kalmyk fairy-tale and epic traditions: the problem of transition of folklore texts revisited. *Mongolovedeniye*. 2017. No. 11. Pp. 120–131. (In Rus.)]
- Овалов 2004 — Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов: опыт сравнительно-типологических исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с. [Ovalov E. B. *Tipologiya motivov i syuzhetov v epose mongol'skikh narodov: opyt sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniya* [Typology of motifs and plots in Mongolic epics: an effort of comparative and typological research]. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Rus.)]
- Топорков 2006 — Топорков А. Л. Ф. И. Буслаев: филолог и мыслитель // Ф. Буслаев. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М.: РОССПЭН, 2006. С. 634–642. [Toporkov A. L. F. I. Buslayev: linguist and thinker. F. Buslayev. *Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve*. Moscow: ROSSPEN, 2006. Pp. 634–642. (In Rus.)]
- Шевырëв 1836 — Шевырëв С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М.: Тип. Степанова, 1836. 381 с. [Shevyrev S. P. *Teoriya poezii v istoricheskom razvitii u drevnikh i novykh narodov* [Theory of poetry: a perspective from historical development among ancient and young nations]. Moscow: Stepanov, 1836. 381 p. (In Rus.)]
- Шевырëв 2006 — Шевырëв С. П. Итальянские впечатления. СПб.: Академический проспект, 2006. 648 с. [Shevyrev S. P. *Ital'yanskiye vpechatleniya* [(My) takeaways from Italy]. St. Petersburg: Akademicheskiy Prospekt, 2006. 648 p. (In Rus.)]
- Byford 2005 — Byford A. The Rhetoric of Alexander Veselovskii's 'Historical Poetics' and the Autonomy of Academic Literary Studies in Late Imperial Russia (=Риторика «исторической поэтики» Александра Веселовского и самобытность академического литературоведения в императорской России). *Slavonica*. 2005. No. 11. Part 2. Pp. 115–132. (In Eng.)
- Espagne 2009 — M. Espagne. Les sources allemandes des poétiques psychologiques en Russie du XIXe siècle: Veselovski, Buslaev, Jirmounski (=Немецкие источники «психологической поэтики» в России XIX в.: Веселовский, Буслаев, Жирмунский) [German backgrounds of 'psychological poetics' in 19th-century Russia: Veselovsky, Buslaev, Zhirmunsky]. *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*. 2009. No. 21. Part 2. Pp. 55–67. (In Fr.)

- Die russische Schule 2013 — Die russische Schule der Historischen Poetik (Русская школа «исторической поэтики») [‘Historical poetics’: the Russian school]. Dirk Kemper, Valerij Tjupa, Sergej Taškenov (eds.). München: Wilhelm Fink, 2013. 286 p. (In Germ.)
- Heusler 1905 — *Heusler A.* Lied und Epos in germanischer Sagendichtung. Dortmund: Verlag von Fr. W. Ruhfus, 1905. 60 s. [Heusler A. Song and epic in Germanic saga]. Dortmund: Fr. W. Ruhfus, 1905. 60 p. (In Germ.)
- Mazzanti 2008 — *Mazzanti S.* Gli studi sulla religione degli antichi slavi (= Исследование по религии древних славян) [An insight into ancient Slavic religion]. Roma: RSU, 2008. 100 p. (In Ital.)
- Mazzanti 2013 — *Mazzanti S.* La ricezione di Aleksandr N. Veselovskij in Italia (= Рецепции Александра Н. Веселовского в Италии) [N. Veselovsky’s receptions in Italy]. *Ricerche slavistiche*. 2013. No. 11. Pp. 369–425. (In Ital.)